ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ 12.08.2026 | Эльдар Мамедов

«Иранский момент» Пакистана

Пакистан берет на себя роль миротворца на Ближнем Востоке. Вместо сожалений об утраченном влиянии ЕС стоит выстраивать новое партнерство.

На улицах Исламабада царит атмосфера осторожного, но ощутимого облегчения. На экранах по всему городу премьер-министра Шахбаза Шарифа и начальника Генерального штаба сухопутных войск генерала Сайеда Асима Мунира хвалят за их вклад в обеспечение мира.

Речь идет об «Исламабадском меморандуме» – июньском соглашении, которое установило перемирие между США и Ираном. Даже несмотря на то, что в настоящее время меморандум подвергается серьезному испытанию на прочность, он по-прежнему представляет собой единственную жизнеспособную дипломатическую основу, позволяющую удержать регион от более масштабного конфликта.

Глядя на это, трудно было не перенестись на десятилетие назад. В 2015 году центральную роль в иранском вопросе играл Европейский союз. Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) стал кульминацией дипломатических усилий, предпринятых с начала 2000-х годов преимущественно под руководством Европы с целью мирного урегулирования иранского ядерного вопроса. СВПД стал мощным символом эффективной многосторонней дипломатии. Европейцы ходили по коридорам власти в Тегеране не как сторонние наблюдатели, а как важнейшие партнеры.

Сегодня ситуация кардинально изменилась. В 2026 году Европа оказалась практически без рычагов влияния на Тегеран, будучи низведенной до роли зрителя, в то время как Пакистан взял на себя роль посредника. Вопрос не в том, что это произошло, а в том, как и почему.

История европейского провала проста. После выхода США из СВПД в 2018 году ЕС, во главе с «евротройкой» (Е3 – Франция, Германия и Великобритания), не смог обеспечить обещанные

экономические выгоды, которые удержали бы Иран в соглашении. Специально разработанный торговый инструмент, известный как INSTEX, так и не заработал. Европейские компании, опасаясь американских санкций, покинули иранский рынок, лишив политические обязательства ЕС реального содержания. Страны Е3 постепенно сблизились с более жесткой позицией США, что в конечном итоге привело к инициированию в 2025 году в Совете Безопасности ООН процедуры snapback – возобновления ядерных санкций в отношении Ирана. Это фактически растратило независимый дипломатический капитал Европы.

Европа оказалась практически без рычагов влияния на Тегеран. Но это история не только европейского провала, это также история иранского выбора.

Но это история не только европейского провала. Это также история иранского выбора. Роковое решение Тегерана поддержать Россию в ее войне против Украины – путем поставок дронов, терроризирующих украинские города, – стало поворотным моментом, обусловленным не только разочарованием в Брюсселе. Прежнее руководство Ирана, включая верховного лидера Али Хаменеи и министра иностранных дел Хосейна Амира Абдоллахиана, активно поддержало российский нарратив о том, что расширение НАТО «спровоцировало» войну. В свою очередь, ЕС расценил это как глубокий стратегический сдвиг в позиции Тегерана, который серьезно подорвал отношения.

Выход Пакистана в роли посредника – это не просто следствие упадка влияния Европы или США. Он уходит корнями в собственные стратегические расчеты Исламабада – сочетание дипломатических амбиций, исторических традиций и осознания того, что региональная стабильность является также внутренней необходимостью.

На протяжении десятилетий Пакистан стремился позиционировать себя в качестве моста между противниками. В начале 1970-х годов Пакистан обеспечил неформальный канал связи, позволивший Ричарду Никсону и Генри Киссинджеру наладить контакты с коммунистическим Китаем в рамках одного из самых значимых дипломатических ходов XX века. Сегодня эта амбиция остается неизменной и совпадает с насущной необходимостью предотвратить более масштабную региональную войну, которая могла бы привести к дестабилизирующим последствиям для Пакистана.

Посредничество – это не просто возможность, это также императив.

В этом контексте Пакистан использовал свое уникальное положение государства, имеющего давние связи как с Вашингтоном, так и с Тегераном. США и Пакистан поддерживают тесные связи по военной линии. Генерал Мунир установил прочные отношения с президентом США Дональдом Трампом.

В то же время Пакистан имеет границу с Ираном протяженностью 900 км и поддерживает с этой страной тесные исторические, религиозные и культурные связи (в частности, около одной пятой населения Пакистана составляют мусульмане-шииты). В 1980-х годах Пакистан пытался выступить посредником в разрушительной ирано-иракской войне. Пакистан также высказался в поддержку права Ирана на мирную ядерную программу. В качестве непостоянного члена Совета Безопасности ООН в 2025 и 2026 годах Исламабад осудил атаки США и Израиля на Иран.

Обеспокоенный возможными последствиями масштабной региональной войны, Исламабад использовал свой авторитет у обеих сторон, чтобы подтолкнуть их к поиску путей выхода из конфликта. Премьер-министр Шариф и фельдмаршал Мунир развернули интенсивную и негласную дипломатическую кампанию, включая многочисленные поездки в Тегеран. При этом пакистанские официальные лица тщательно избегали «мегафонной дипломатии» – не высказывали никаких суждений о позициях сторон и не обращались с публичными заявлениями, кроме призывов к деэскалации и переговорам.

Авторитет Пакистана также укрепился благодаря тому, чего не мог предложить ни один посредник в Персидском заливе, будь то Катар или Оман: физическая безопасность иранских переговорщиков в то время, когда Израиль не скрывал своего скептицизма по поводу переговоров и своей решимости наносить удары в любой точке Ближнего Востока по своему усмотрению.

Такой подход проложил путь к переговорам на самом высоком уровне между США и Ираном с 1979 года – между вице-президентом США Джей Ди Вэнсом и спикером иранского парламента Мохаммадом Багером Галибафом, – что в конечном итоге привело к подписанию Исламабадского меморандума.

Несмотря на то что реализация меморандума дает сбои, Исламабад проявляет упорство. Эта настойчивость соответствует также интересам Европы в предотвращении более масштабной

региональной войны у ее границ. Верховный представитель ЕС Кая Каллас справедливо приветствовала посредническую роль Пакистана и подчеркнула необходимость «прочного» соглашения.

ЕС и Пакистан разделяют общий интерес к региональной стабильности

ЕС и Пакистан разделяют общий интерес к региональной стабильности. И сегодня, вместо того чтобы рассматривать роль Пакистана как замену европейскому влиянию, Брюссель должен воспринимать ее как взаимодополняющее партнерство – такое, в котором уникальный доступ и авторитет Пакистана могут способствовать достижению общих целей. Чтобы обеспечить устойчивость этого посредничества, ЕС мог бы внести свой вклад в укрепление потенциала Пакистана. Например, активизировать сотрудничество в области борьбы с терроризмом против таких группировок, как пакистанский Талибан и Армия освобождения Белуджистана.

Очевидно, что ЕС не сможет самостоятельно выступать в качестве главного посредника в каждом глобальном конфликте. Поэтому ему следует более тесно сотрудничать с региональными игроками, которые обладают необходимым доступом, доверием и авторитетом. Пакистан и дипломатия в отношении Ирана – конкретный пример такого фундаментального развития: в эпоху многополярности эффективность Европы зависит от ее способности поддерживать новые центры дипломатического влияния и сотрудничать с ними.

Эльдар Мамедов

Эльдар Мамедов (Eldar Mamedov) — эксперт по вопросам внешней политики и внештатный научный сотрудник Института Куинси. Ранее

работал политическим советником социал-демократов в Комитете по иностранным делам Европейского парламента (ЕП) и возглавлял делегации Европарламента по межпарламентским отношениям с Ираном, Ираком, Аравийским полуостровом и Машриком, а также в Министерстве иностранных дел Латвии и в посольствах Латвии в Вашингтоне и Мадриде.